

Марк Рабинович

Переплетение Времен

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Марк Рабинович
Переплетение времен

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Рабинович М.

Переплетение времен / М. Рабинович — «ЛитРес: Самиздат»,
2021

ISBN 978-5-532-93232-6

Эта книга служит продолжением "Пересечения времен". Израильтянин Арье Ковнер и обретенная им любимая из X-го века спокойно живут в современном Израиле. Они еще не знают, что на средневековый Киев снова идут враги: неведомые чудовища и их поводыри. Решающее сражение должно произойти в тех же самых Загоричах, где Арье сражался со змеями, но теперь это век IX-й и даже самих Загоричей еще нет. Зато это село существует в современной Украине, и там у Арье есть друзья. А в IX-м веке ему еще предстоит обрести и друзей и врагов. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-93232-6

© Рабинович М., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Предисловие	5
Век XXI-й	7
Проблемы XXI-го века	8
На грани прошлого	19
Век IX-й	28
Любимец богов	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Марк Рабинович

Переплетение времен

Предисловие

Если ты, мой уважаемый Читатель, взялся за эту повесть, не прочитав предварительно "Пересечение Времен", то тебе многое будет непонятно. Поэтому, позволь представить тебе тех персонажей и те названия, которые "Переплетение" наследует из "Пересечения". Если же они тебе уже знакомы, то просто перелистни страницу. Итак:

Арье-Лёва-Лев-Лёв Ковнер:

Молодой израильтянин, отправившийся в Киевскую Русь X-го века за своей любовью, с которой познакомился на таинственном сайте "Случайного Соединения". В том мире у Земли два спутника: Луна и Месяц. Повествование ведется от его имени.

Анна-Ингимюнда-Ладислава, дочь Неждана из рода Бравлинов:

Любимая Арье, попавшая в наш XXI-й век с помощью Зеркала (это такой старинный артефакт, и я понятия не имею о принципах его работы).

Неждан, сын Ингваря из рода Бравлинов:

Отец Ани, княжеский сотник, командир заставы на Трубежском броде. Погиб в сражении с протовенграми.

Веда:

Ведунья из X-го века. Обладает экстрасенсорными способностями.

Эляху из Мурома, Добрыня, сын Добрыни, Олешко, сын Радонега:

"Спецназ" князя Владимира Киевского, возможно – прообразы трех былинных богатырей. Добрыня сражался трофейным японским двуручником, неизвестно как попавшим в Поле.

Соловей:

Бывший муромский мятежник, ставший предводителем разбойников. Был совершенно лыс и хорошо умел свистеть. Убит под Заворичами.

Глеб-кузнец и Куэрчи, его раб-печенег:

Обитатели средневековых Заворичей. Куэрчи погиб, защищая заставу.

Тархош из рода Акаши:

Предводитель мадьярских всадников, разбитых под Заворичами.

Эйтан:

Руководитель израильской группы по исследованию Л-энергии (не спрашивайте меня, что это такое, я и сам толком не знаю).

Рои:

Его ведущий специалист. Очень любит поеть. Гениален.

Майор Шумейко:

Начальник Подольского отделения УВД, Киев.

Мишель:

Приятель Арье, подсказавший ему адрес "Случайного Соединения".

Заворичи:

В наше время – село в Украине, в часе езды от Киева. В X-м веке – застава в виде детинца, защищающая (это не описка – именно "защищающая", а не "защищавшая") брод на реке Трубеж.

Канигард:

Скандинавское наименование Киева.

Самватас:

Так кочевники называют Киев.

Трубез:

Левый приток Днепра (сам Днепр/Славутич в представлении, я надеюсь, не нуждается).

Тех же персонажей, что впервые появляются на страницах этой книги, я представлять не буду. Итак, мой Читатель – смелее вперед.

Век XXI-й

О, как мы твердокаменно считали:
Предвечна времени связующая нить.
Записанное в каменных скрижалях,
Не изменить, вовек не изменить!

Но пусть все мудрецы вопят о чуде -
Я вижу, времена сплелись в одно.
Ни то, что было, и ни то, что будет
Не решено, пока не решено!

Безумный Хронос пляшет вкруговую,
Сменяя времена попеременно
Все, что когда-то было – существует!
Одновременно! Да! Одновременно!

Проблемы XXI-го века

В пять часов пополудни в геймеровское кафе не бывает много посетителей. Вот и сейчас, кроме меня в заведении не было никого, только хозяин за стойкой и два подозрительных типа в дальнем темном углу. Мне они не мешали, так как я заканчивал свой кофе за одним из столиков под зонтиками на тротуаре. Подошла Аня, улыбнулась мне, села и попыталась допить свой "латте", но не смогла – тряслись руки. Я отвернулся и сделал вид, что увлечен возней голубей на противоположной стороне улицы. Что поделаешь, не провожать же ее в женский туалет, каждый раз как моей любимой захочется пописать. Ждать под дверью она мне тоже не разрешает, стесняется.

Когда, разобравшись с голубями, я повернулся к Ане, она уже допивала свой кофе. Ну и слава Всевышнему. На второй год жизни в нашем мире, мою ненаглядную уже нелегко было бы отличить от какой-нибудь сабры, порожденной улицей Шенкин. К автомобилям, автобусам, поездам и прочим чудовищам она привыкла удивительно быстро, еще во время своих приключений в Украине. Современная одежда далась ей труднее. Из Киева в Тель-Авив она так и летела в свободном, длинном платье правда не своем, древнерусском, а сшитом на заказ в ателье на Крещатике. Одеть брюки, узкое платье или юбку она категорически отказывалась, называя их "бесовской одежей". Интересно, что перелет из Борисполя в Бен-Гурион она перенесла совершенно спокойно, может быть потому, что мы были вместе. Весь полет она смотрела то на землю за окном самолета, то на меня, спокойно улыбалась и терлась о меня плечом. А я смотрел только на нее, на женщину, преодолевшую десять веков в поисках своей любви так непринужденно, как иные переходят улицу.

Дома, в Нетании, ее абсорбция понеслась невообразимыми темпами. Уже через пару недель она щеголяла в джинсах и легком топике, лишь чуть-чуть краснея, когда на нее оглядывались на улице. И вообще, многие чудеса нашего мира она приняла как нечто естественное. Самолет был для нее добрым летающим Змеем, автомобиль – волшебной повозкой, телефон – разновидностью Зеркала. Ничего необычного, про такое и в ромейских книжках писано. Значительно больше восхитили ее маленькие бытовые удобства: льющаяся из крана вода, электрический чайник, пластик, который так легко моется, стиральная машина, смывной туалет. Про это ромейские книжки не писали и вот это-то и было для нее настоящей магией, в особенности нижнее белье.

Я часто вспоминал Веду, которая осталась за тысячу лет от нас. Как-то раз в порыве откровенности она сказала:

– Мне кажется, что твоя жена не принадлежит этому миру, также как и ты. Как будто она родилась не там где надо и не тогда, когда ей полагалось родиться.

Никто из тех, кто знал анину историю (а таких было считанное число), так и не сумел объяснить, как за неполных два года она овладела тем, что ребенок познает годами. Ведь тогда в Киеве, сообщая мой телефонный номер майору Шумейко, она даже не знала цифр, просто запомнила то, что я однажды написал палочкой на песке. Что же тогда сказать о таком сложном устройстве, как смартфон?. Ведь даже моя умная мама порой, доведя свой аппарат до коматозного состояния, заявляет: "Но я же ничего не делала?!" А моя Аня легко водит пальчиком по экрану, набирает, делая не слишком много ошибок в иврите. "нет, сегодня я с Арье и пропущу занятия, извини" и сообщение с писком улетает к ее подруге.

Месяцы шли, чудеса стали привычными, а моя любимая давно уже ходила на курсы вождения и вскоре собралась получать права. Вот только к зеркалам она никак не может привыкнуть. Отполированная поверхность зеркала кажется ей бездонной глубиной, входом в иной мир, который может засосать и забрать ее от меня. Поэтому каждый поход в общественный туалет был для нее испытанием. Маленькое мутное зеркало в нашем подъезде казалось ей Зер-

калом с большой буквы и я едва удерживал себя от желания его разбить. Дома у нас не было зеркал, а на кухне стояла миска с водой, в которую мы и смотрели перед выходом в люди. Иногда и мне казалось, что она права и зеркала опасны.

... Эйтан появился размахивая синими корочками.

– Ну наконец-то – сказал я вместо приветствия – А то мы уже начали думать, что возникла новая бюрократическая препона.

– Привет Ханна – улыбнулся он Аняте, игнорируя меня – Посмотри, что я тебе принес. Как это у вас называется?

– У нас это называется "удостоверение личности" – отпарировала она – А в Киев-граде это называлось "грамота".

Интересно, подумал я, какой год рождения там проставлен? Если написать правду, то моя супруга уже почти тысячу лет должна получать пенсию. Впрочем, точный год ее рождения не знает даже всезнающий толстяк Рои. Если судить по бумагам, то ей сейчас двадцать пять лет. На самом деле, как я подозреваю, она еще несовершеннолетняя. Это, однако, совсем не страшно: моя веселая Анята и моя ласковая Лада умеют, при необходимости, выглядеть суровой Ингимюндой, ведь не случайно отец дал ей это родовое имя. Сотника Неждана уже больше тысячи лет нет в живых, но мы его помним и теперь мою супругу зовут Анна Неждановна Ковнер. Каждый раз, услышав этот официоз, она довольно щурится, собирая в уголках глаз веселые морщинки и мне становится тепло в груди. Вначале, когда мы с Эйтаном начали оформлять ее документы, она хотела было стать Ковнер-Бравлин, сохранив название своего скандинавского рода, но звучало это не слишком эстетично и, подумав, мы от такой идеи отказались.

Самые первые документы выдал Ане израильский консул в Киеве. Бросая на нас недоуменные и подозрительные взгляды, он все же выписал временный загранпаспорт с продиктованным ему по телефону идентификационным номером. Нам надо было торопиться, пока доброжелательный майор Шумейко ничего не заподозрил и не подключил "службу безопасности", просто так, на всякий случай. Один я, конечно, заперол бы все дело, но еще в аэропорту меня отловил вездесущий Эйтан и строго проинструктировал. Признаюсь честно, в тот момент я соображал не слишком хорошо и все время пытался сбежать чтобы не опоздать на киевский рейс. Но вырваться из его железных объятий было невозможно, так что пришлось выслушать и запомнить наизусть инструктаж. На посадку я все равно прибежал первым.

Три часа полета до Борисполя растянулись в моем застывшем сознании на века, а всю дорогу от аэропорта до Киева я едва удерживал себя от желания выбросить таксиста на обочину, самому сесть за руль и повторить свой стремительный проезд через Тель-Авив полугодичной давности. Кстати, потом я узнал, что в тот раз меня засекли все камеры видеонаблюдения, а из их записей умельцы собрали видеоклип и показывали потом в полицейских школах в качестве учебного пособия. От аннуляции прав и миллионных штрафов меня отмазал всемогущий Эйтан.

Когда мой самолет садился в Борисполе, консул уже успел "удостоверить" Анину личность и освободить ее из-под опеки майора Шумейко. Теперь она безвылазно сидела в номере гостиницы "Украина" под охраной сотрудницы посольства, с деланным безразличием на лице и с безмерным удивлением в душе объясняющей ей как пользоваться душем и туалетом. В этот номер я и ворвался, неосторожно повалив распахнутой дверью бдительную охранницу. Суровая дама немедленно выхватила оружие, но выстрела не последовало. Я так и вообще не заметил, куда делась охранница: в последующие часы в мире существовали только мы двое. Но когда в дверь начали стучать более настойчиво, нам наконец удалось оторваться друг от друга.

В общем, ее переезд в Израиль прошел стремительно и четко, как бывает всегда в нашей стране, если надо предпринять нечто неординарное. Ну а внутри страны, когда первые страсти улеглись, израильская бюрократия, ошарашенная аниным таинственным появлением, дала нам

бой по всем фронтам. Такое, к сожалению, тоже случается в нашей стране. Гордые своею значимостью чиновники, покровительно посматривая на нас, требовали все новые и новые справки, документы и свидетельства. Потом они сокрушительно качали головой и выискивали все новые и новые параграфы запутанных законодательств, которым моей жене следовало соответствовать, но она, к великому их сожалению, не соответствовала. Как бы там дело не обстояло, но моя любимая уже была со мной, поэтому я был счастлив, доброжелателен и готов прощать чиновникам их маленькие слабости. Сама же Аня воспринимала эту бюрократическую возню, как забавную игру, в которую играют взрослые дяди от безделья. Впрочем, так оно и было.

Так продолжалось больше года, пока за дело не взялся Эйтан, но даже ему не сразу удалось пробить глубоко эшелонированную оборону министерских функционеров. Но вот, наконец, и она – окончательная победа в виде синих корочек удостоверения личности с улыбающейся Анютой на фотографии. Теперь она сможет получить настоящий, а не липово-временный загранпаспорт и осуществить свою мечту – вернуться в Заворичи.

Пока шли эти баталии, Аня идеальна вписалась в общество моих родственников и друзей. Моя мама теперь души в ней не чаёт и называет не иначе, как "Аннушка", а иногда – "Ханеле". К тому же она безмерно благодарна Ане за то, что та вытянула меня из сжигавшей меня тяжелой депрессии. То, что она же и была причиной той депрессии, мы рассказывать не собираемся и мама до сих пор убеждена, что я тогда страдал от неразделенной любви. В общем, экзальтированная петербургская дама нашла родственную душу в средневековой киевской девчонке. Подозреваю, что объединяет их слепая любовь ко мне, но, к счастью, обошлось без ревности. Всю правду мы маме так и не рассказали.

Мои друзья приняли ее не сразу, но быстро, да у них все равно не было иного выхода. К тому же моя молодая жена настолько располагает к себе хороших людей, что я ее даже пытался ревновать, но сразу переставал, как только видел ее изумрудные глаза, смотрящие на меня. Никто, разумеется, не имеет ни малейшего представления об ее происхождении и не раз возникали забавные ситуации из-за ее незнания простейших реалий современной жизни. Порой нам было очень весело выкручиваться из таких положений. Например, совершенно случайно выяснилось что Аня не знает кто такой Гитлер. Тогда мне удалось выкрутиться, выдав это за ее принципиальную позицию: мол не знаю и знать не хочу этого подонка. А однажды нас спросили, как мы познакомились. Я честно признался: "В Сети", что вызвало множество веселых приколов, закончившихся сакраментальным вопросом: "Сколько времени вам понадобилось, чтобы перейти от виртуала к реалу?"

Так как при этом все почему-то смотрели на Аню, то она сказала неуверенно:

– Чуть больше тысячи лет!

...И вопросительно посмотрела на меня, так как еще путалась с устным счетом. Ее ответ вызвал взрыв хохота, потому что был воспринят как гипербола, хотя моя единственная изрекла сущую правду. Математически точно ей, однако, следовало бы сказать: "Минус тысяча лет". К тому же мы так и не упомянули о том, чем сопровождался для меня тот переход к реалу. А сопровождался он блужданием в сомнительной компании по лесам и болотам левобережья Днепра и сражениями с разбойниками, прото-венгерскими всадниками и гигантскими ящерами. Окровавленная морда того монстра, что чуть не отправил меня на тот свет, до сих пор снится мне по ночам.

Никто, разумеется, ничего не заподозрил. Никто, кроме Мишеля, с которого все и началось два года назад. Я неоднократно замечал, что он частенько бросает недоуменные и оценивающие взгляды на Анюту, как будто обдумывает некую сумасшедшую идею, пришедшую в его не менее сумасшедшую голову. Однажды он не выдержал, отозвал меня в сторонку и спросил, заикаясь:

– Как у вас это получилось?

В таких случаях, которых впрочем у меня ранее не случалось, самым мудрым будет не реагировать на полунамеки. Пусть-ка он лучше попробует четко сформулировать вслух свою мысль. Нет, не решится, ведь кому захочется, чтобы над тобой посмеялись или, того хуже, сочли сумасшедшим.

– Что получилось? – я посмотрел ему прямо в глаза.

– Ничего, забудь – и он отвел взгляд.

В другой раз он не выдержал и, искоса посмотрев на меня, попросил Аню спеть что-нибудь по-словенски. Дело в том, что по нашей версии она была родом из глухой деревушки высоко в горах. Словению мы выбрали потому, что из всех славянских стран она показалась мне наименее известной израильской публике. Идея оказалась небезупречной. Во-первых, туры в Словению с посещением замков и пещер неожиданно стали пользоваться такой большой популярностью, что наша авиакомпания Эль-Аль даже открыла прямые рейсы в Люблян. Ну, а благодаря этому могли возникнуть и нежелательные вопросы к моей супруге. Во-вторых, моя мама не переставала мечтать о посещении анютиной родной деревни в надежде приобщиться к их посконно-кондovому быту и познакомиться с родственниками. Пришлось объяснить ей, что я женился на сироте. Это было истинной правдой, ведь анина мама не перенесла вторых родов, когда сама Аня была еще маленькой девочкой, а ее отец умер у меня на руках десять веков тому назад. И вот теперь – эта провокация Мишеля. Мы с Аней переглянулись и она запела.

Песню эту она явно придумала сама, потому что пелось в ней о славном воине по имени Лёв, победителе Змеев и могучих всадников. Было это пение чистейшей воду дифирамбами, так как с мадьярами я тогда не бился, а лишь наблюдал битву со стен детинца, лелея укушенную Змеем ногу. Правда змееборцем я действительно поработал, убив двух варанов собственноручно и сжегши остальных самодельным напалмом.

– Так это ж, вроде, по-украински! – разочарованно заметил Сашка, который по-украински знает только два слова: "сало" и "дівчина".

На украинский это было похоже не более чем на русский, да и такого произношения, как у моей любимой, не существует уже несколько веков. Пела она протяжно, в странной манере, совершенно чуждой не только нашему времени, но, казалось бы, и нашему миру. И в этот момент она была не Аней и не Анютой, а Ладиславой. По-моему, некоторые и, в особенности, Мишель, почувствовали это подкоркой, замолкли слушая ее и продолжали молчать когда она уже закончила, положила подбородок на сложенные ладошки и задумчиво глядела на меня. Так мы и сидели молча несколько минут, пока кто-то наконец не рискнул возобновить разговор.

Вначале Аня разговаривала только на иврите, быстро осваивая современную лексику и совершенствуя навыки чтения и письма. Постепенно она освоила и русский, а в последнее время начала усиленно изучать английский и вскоре, думаю, мне придется переводить на этот язык ее ноутбук.

Со мной она говорит по-полянски, а с мамой по-русски. Сам язык дался ей легко, удивительно легко, несмотря на то, что за века он ушел очень далеко от ее древнеславянского, впитав множество иностранных слов, многие из которых уже с трудом узнаются. Но моя Аня легко преодолела эти многовековые изменения. Даже звук "Ф", которого не было в славянской речи, дался ей без особого труда и вскоре она перестала говорить "хвотограхвия". И все же произношение у нее хромает.

– Ханеле – изрекает иногда мама – Ты теперь так чисто говоришь по-русски, просто душа радуется. Но откуда, скажи на милость, у тебя этот местечковый акцент?

На это мы с Аней только привычно переглядываемся и улыбаемся друг другу. Действительно, древнерусское произношение, кроме всего прочего, еще и грешит мягкими шипящими, что делает его похожим на то, как говорили в Бердичеве, Касриловке и Жмеринке сто лет назад. Это-то произношение и помогло Ане получить престижную работу. Вообще-то наша семья вовсе не нуждалась. Благодаря Эйтану меня восстановили на работе и даже предложили

возглавить группу, от чего я отказался к великому облегчению начальства. Не знаю чего им там Эйтан наговорил, но теперь начальник отдела время от времени опасливо на меня поглядывает и старается не трогать. Я, в свою очередь, не злоупотребляю этим и вкалываю на полную, оставив Анюту на хозяйстве.

Каково же было мое удивление, когда она сообщила, что ей предложили работу на кафедре славистики в Бар-Иланском университете? Оказывается, там нашелся один отчаянный профессор, который согласился подписать разноцветные эйтановы бумажки, те самые, которые я в свое время подмахнул не глядя. После этого профессорского подвига, ему осторожно сообщили некоторые подробности анютиной биографии. Тот, разумеется, не поверил и лишь вежливо посмеялся неудачной шутке. Тогда ему представили мою Анюту и попросили ее сказать пару слов на родном языке. А она, оказывается, не нашла лучшей темы, чем пересказ моих сомнительных подвигов в Заворичах, да еще и в поэтичной форме. Не знаю, как это называется, точнее – называлось, может напевом, а может и еще как, но на него это произвело эффект разорвавшейся бомбы. Как выяснилось, профессор действительно был большим специалистом. При первых же звуках анютиной речи вежливая усмешка сползла с его лица, лицо это начало вытягиваться и продолжало вытягиваться на протяжении всего рассказа. Смысла этой истории он, к счастью, так и не понял, потому что внимал звучанию полянского языка, как неземной музыке.

В общем, кончилось все это приглашением Ани на кафедру в качестве ассистентки этого самого профессора. Будучи строго подписан, профессор не мог сослаться на факты, так что пришлось ему срочно изобретать новую лингвистическую теорию древнеславянских диалектов. Аня ему в этом усиленно помогала, поначалу – всего лишь рассказывая истории из своей подольской жизни. Однако через некоторое время, научившись работать с компом и Сетью, она стала полноценной ассистенткой. Постепенно и профессор неплохо освоил полянский язык, но только, разумеется, не произношение. После этого он стал третьим в мире, после меня, носителем этого языка. Иногда мы встречаемся втроем и ведем степенную беседу по-полянски. Степенность эта вынужденная, потому что мертвый язык плохо предназначен для современных реалий, а рассказывать байки о моих похождениях на средневековой киевщине Эйтан строго-настрого запретил. Иногда профессор, как правило обращаясь к Анюте, а не ко мне, провокационно интересуется политической обстановкой в Киевском Каганате. Мог бы и меня спросить, все же и я был удостоен содержательной беседы из трех фраз с князем Владимиром, тогда еще весьма не Святым. Ведь это именно я ввел в славянский обиход лингвистическую конструкцию "Некто свет Кто-то". Но об этом мне запрещено упоминать. Эх, не надо было подписывать не глядя. Но я тогда так торопился к моей ненаглядной, что не заморачивался такими пустяками. Что же касается более современных тем, то нам, подобно Бен-Иегуде, возрождавшему иврит, все время приходится добавлять в полянский язык современные идиомы.

В какой-то момент профессор не выдержал и решился представить свои достижения с трибуны конференции лингвистов в Иерусалиме. Я тогда скромно сидел на последнем ряду, судорожно сжимая в руках пригласительный билет и чувствуя себя неуютно среди корифеев лингвистики. Но, постепенно, действие увлекло меня по мере того как на трибуне профессор давал пояснения, время от времени предлагая Ане произнести пару фраз на полянском. Моя жена была великолепна в специально сшитом для нее длинном платье современного покроя, но с полянской вышивкой. К сожалению, лингвисты этого не оценили и разгромили профессорскую теорию в пух и прах. Помню, как два слависта, укоризненно покачивая головами, вышли в коридор и мы, стоя за углом, стали невольными слушателями их разговора.

– Боюсь, что меня обвинят в антисемитизме, но, согласитесь, не слишком приятно русскому человеку услышать такое из уст израильянки, да, к тому же, говорящей с тяжелым еврейским акцентом.

– Бросьте, коллега! Бедная девочка искренне уверена, что это древнеславянский язык.

– Подумать только, куда лезут эти дилетанты!

– И не говорите!

Услышав это, мы с Аней переглянулись и побежали к выходу. Какие уж тут обвинения в антисемитизме: мы лишь из последних сил старались удержаться от хохота. Едва сдерживаясь, мы выбежали на морозный по февральскому времени иерусалимский воздух и тут, наконец, дали себе волю, сползая вниз вдоль стены Дворца Конгрессов в пароксизме истеричного смеха. Рядом также истерично ржал профессор.

Лингвистический погром новой теории не обескуражил ни профессора, ни мою Аню. Как авторитетно объяснила она позднее, любая новая теория принимается в штывки ретроградными, составляющими большинство в любых научных кругах. Но она, эта теория, несмотря на разгром, уже появилась в печатных изданиях, просочится в умы и, если она верна, возьмет свое рано или поздно.

– Жаль только, что в мире так мало носителей полянского языка – добавила она и нахмурилась.

Это была болезненная тема и я старался ее не касаться. Самый простой способ увеличить число говорящих по-полянски назывался "плодитесь и размножайтесь", но это дело продвигалось у нас туго. Точнее, оно не продвигалось совсем. В нашей немалых размеров квартире, которую я приобрел несколько лет назад после удачной сдачи проекта, было аж две спальни, но одна из них продолжала пустовать, так и не превратившись в детскую.

– Ты знаешь, что такое генетика? – спросила она меня как-то.

– Слышал вроде – обалдело пробормотал я.

– А ты не думал, что у нас может быть генетическая проблема? Ведь мы же из разных миров! И даже если Рои удастся доказать, что это наш мир потерял Луну, то останутся еще мутации генотипа. Ты же на тысячу лет младше меня и наша генетика могла оказаться несовместимой.

Еще не осознав, что она говорит, я смотрел на нее с умилением. Полтора года назад это была дикая средневековая девчонка. А теперь она рассуждает о генетической совместимости. Вот что Сеть с людьми делает. И тут до меня дошло...

– Помнишь, как я обещала родить тебе сына?

Еще бы не помнить! Это была наша первая ночь вместе и я никогда не забуду, как обе луны того мира соревновались в том, кто красивее высветит ее прекрасное тело.

– Конечно, это было тысячу лет назад...

Меня вполне устроила бы и дочка. Аня, которая давно уже была членом пары-тройки модных феминистских организаций и ходила на пилатес в чисто женской компании университетских подруг, прекрасно это понимала. Но обещание многовековой давности оставалось в силе. В тот раз я спустил неприятный разговор на тормозах, а сегодня обнаружил на журнальном столике красочную рекламу "Центра планирования семьи" при одной из центральных больниц. На анин напряженно-вопросительный взгляд я заметил, постаравшись убрать эмоции из голоса:

– Вообще-то туда надо идти вдвоем. Я отпрошусь на работе.

Морщинки на ее лице разгладились и темно-зеленые глаза, посветлев, блеснули знакомым изумрудом. Но ни в этот день, ни в последующие нам так и не довелось добраться до этого центра, потому что телефонный звонок Эйтана обрушился на нас как дамоклов меч.

– Немедленно приезжайте! – категорически потребовал он и на всякий случай добавил – Оба!

Дорога в Явне через почти всегда забитую транспортом тель-авивскую рокаду была мне хорошо знакома и памятна нескончаемыми пробками. Но сейчас был вечер пятницы, никто не мчался ни на работу, ни с работы и верный "хендай" доставил нас до Явне менее чем за час, несмотря на внушительный поток машин с молодежью, мечтающей оттянуться в "городе

без перерыва". Охранник на воротах знал нас в лицо, доброжелательно кивнул и попросту махнул рукой. Во дворе нас никто не встречал, но это и не требовалось, потому что дорогу в лабораторию мы хорошо помнили. Поднявшись на второй этаж, мы, несмотря на выходной, застали в лаборатории всю эйтанову команду, многих из которых уже знали по именам. Нам навстречу выбежал Рои, в этот раз, для разнообразия, без сэндвича в левой руке.

– Где вы шляетесь? – завопил толстяк вместо приветствия и, схватив Аню за руку, потащил ее в дальний угол немаленького зала.

Зная Рои не первый день, она даже и не пыталась возражать, ну а я покорно поплелся за ними. Вокруг нас привычно гудели вентиляторами таинственные приборы, мигали не менее таинственные индикаторы и пахло озоном. Обстановка эта была нам хорошо знакома. Именно отсюда я отправился через десять веков искать свою любовь и именно сюда вернулся умирающим от заражения крови трупным ядом с зубов Змея. Потом, после того как я вывез Аню из Киева, мы провели здесь немало часов, подвергаясь бесконечным туманным анализам, измерениям непонятно чего и медицинским проверкам. Тогда и выяснилось, что на первом этаже у Эйтана есть неплохой медпункт, оборудованный даже портативным томографом, не выявившим, впрочем, ничего необычного в наших с Аней мозгах. И вообще, у меня сложилось впечатление, что сам Эйтан ничего сверхъестественного от этих проверок и не ожидал.

Сейчас он сидел в хорошо знакомом мне закутке за шкафами и смотрел исключительно на стену. Ни на нас с Аней, ни на толстяка Рои он не обратил ни малейшего внимания и его можно было понять... Со стены, из огромного экрана на нас смотрела Веда. Я хорошо помнил ее белесые глаза, которыми она пыталась меня заколдовать в избушке на болоте. Сейчас эти глаза смотрели на нас через пиксели плазменного экрана и что-то с этими глазами было не так, неправильно. Эйтан перевел взгляд с экрана на нас с Аней, потом обратно на экран, потом снова на нас. На его лице явственно выразилось недоумение, ведь Веда никак не отреагировала на наше появления и я уже догадывался почему.

– Не она... – прошептала Аня – Молодая.

Действительно, эта Веда была лет на двадцать-тридцать моложе той, что пыталась заговорить мою рану на ноге, там в старых Заворичах. И эта ведунья (Веда ли это вообще?) никогда раньше не видела ни меня, ни дочь сотника Неждана.

– Кто ты? – спросила Аня по-полянски.

– Зовите меня Веда – прозвучало из динамиков – Я храню старую мудрость. А кто ты такая, что говоришь по-киевски?

– Меня зовут Ладислава – Аня назвала свое материнское имя, наверное интуитивно почувствовав что так будет лучше – Я дочь Неждана из рода Бравлинов, а это мой муж, Арье, сын Борисов из рода Ковнеров.

– Тогда слушай меня, Ладислава и ты, Арье, тоже слушай – Веда перешла на иврит – Объясните хоть вы этому человеку, что он тупой недоумок.

Она явно указывала на Эйтана. Современный иврит впитал в себя множество аккуратных оборотов, основанных на иностранной семантике и позволяющих обгадить собеседника так тонко, что ни один адвокат не придерется. Иврит же тысячелетней давности был, судя по всему, языком категоричным и откровенным и Веда этим воспользовалась. Как бы то ни было, но лицо Эйтана, не привыкшего к такому обращению, пошло пятнами, а я откровенно позлорадствовал. Рои, судя по его виду, тоже наслаждался, но поймав гневный взгляд начальника, сделал вид что он здесь ни при чем.

– Да какое нам дело до далекого прошлого – заорал Эйтан – Все уже давно свершилось, стало историей и не может нам навредить. Почему мы должны заботиться о тех, кто давно умер?

– Я похожа на покойницу? – усмехнулась ведунья – Как ты не понимаешь, что прошлое, настоящее и будущее существуют одновременно! И если не будет сохранено твое прошлое, то

не станет ничего. Подумай головой, а не задницей и ты поймешь как это просто! На самом деле ничто еще не свершилось, ни то, что было много лет назад, ни то, что будет после тебя. Все еще может измениться! Поэтому, если не позаботишься о прошлом, то лишишься и будущего.

Это прозвучало как бред сивой кобылы в душную летнюю ночь. Но я уже имел дело со временем и пятой точкой чувствовал, что с ним шутки плохи. Поэтому, к словам ведуньи следовало по крайней мере прислушаться. К тому же Аня вдруг судорожно вжалась мне в грудь и к этому тоже следовало прислушаться. Эйтан, судя по всему, тоже что-то почувствовал и вопросительно посмотрел на Рои: толстяк только недоуменно пожал плечами. Тогда он перевел взгляд на нас, но и мы ничем не смогли ему помочь.

– Хорошо – мрачно сказал он – Рассказывай, что у вас стряслось.

– Сыны Вия и Чернобога идут на Киев-град и их необходимо остановить.

История и археология вставали на дыбы. По понятным причинам я в последние годы пристально интересовался историей Киевской Руси, но ни про каких сынов Вия и слыхом не слыхивал.

– Кто правит в Киеве? – спросил я только чтобы уточнить хронологию.

– Никто не правит! – закричала Веда – Хельги уходит с войском не то на Ладогу, не то на Цесарь-град, а хазары воюют с печенегами на востоке. Некому оборонять град.

"Хельги" вероятно означало "Олега", не исключено, что Вещего. Если верить Александру Сергеевичу, то этот Хельги весьма недоброжелательно относился к хазарам. А ведь я в те (или почти те) времена считался хазарином, так стоило ли ему помогать? Но в той державе через пару десятков лет должен был родиться Неждан из рода Бравлинов, а от него уже зависело появление моей любимой. Так что я был на стороне Олега, несмотря на его хазарофобию. Пришлось лихорадочно вспоминать почерпнутое мною из Сети. "Сколько историков, столько и версий одних и тех-же событий" – вспомнились мне где-то читанные строчки. Но все источники более или менее сходились на том, что олегово войско дошло до Константинополя где-то между 904-м и 911-м годами, а потом вернулось в Киев с богатой добычей. Что касается Ладоги и Новгорода, то он ходил туда как в свою вотчину чуть ли не каждый год, что в конце IX-го века, что в начале века X-го. Было это лет за сто до моего посещения древней киевщины и тогда еще не родились не только Анна-Ингимюнда-Ладислава, но даже и ее отец Неждан. "Твой щит на вратах Цареграда" – убедительно писал Пушкин. А что в это время происходило в Киеве? Об этом и летописи и поэт умалчивали. Но нетрудно было заметить, что древние тексты пристрастны. Они очень подробно и с выделением сюжеты повествуют о победах и весьма скупо – о поражениях. Причем эта тенденция всеобъемлюща и, за редкими исключениями, не зависит ни от времени написания, ни от национальности или вероисповедания пишущего. И уж о чем рукописи вовсе никогда не упоминают, так это о том, что делалось в стране, из которой ушли ее армии в поисках славы, унося с собой годовые запасы продовольствия. А там, скорее всего, царил голод и зверствовали банды, осмелевшие в отсутствие сильной руки. Что, если в такую страну ворвется жаждущая крови и добычи армия? Тогда вовсе не исключено, что груженому ромейским золотом олеговому войску уже некуда будет вернуться.

– Что это за сыны такие? – имена славянских богов Эйтан так и не рискнул произнести, наверное не надеясь на свое произношение.

– Их наняли угрины! Это жрецы их бога войны, Хадура!

Опять эти венгры! Да что же они все не кончаются! Пойдите, я же помню этих жрецов и их зверье!

– Веда, а шаркани у них есть?

– Змеи? Ты знаешь? Да, они как раз и ведут этих чудовищ!

Я почувствовал как испугано вздрогнула прижавшаяся ко мне Аня. Снова мадьяры, снова со Змеями и снова через Заворичи.

– Кто обороняет заставу в Заворичах? – спросил я.

– Заворичи? – Веда удивленно подняла брови – Не знаю такого места.

– Где ты сейчас? – вмешалась Аня – Где твое Зеркало?

И действительно, где? Одну из четырех координат мы знаем, это самое начало X-го века, а может и конец века IX-го или около того. Но где то место, через которое это войско пойдет на Киев?

– Я живу на хуторе у Трубежского брода. Пониже того места где безымянная речка впадает в Трубеж.

– Это же Заворичи! – вскричала Аня.

Я тоже это понял. Значит при Вещем Олеге заставы еще не было. Но меня интересовало другое.

– Зачем угрины идут на Киев?

– Я не знаю. Знаю лишь, что их пропустили болгары, а за это они обещали ударить на Киев-град.

И снова те же самые болгары! Как хорошо, что Владимир с ними разобрался. Но это случится лишь через сто лет, а до тех пор они успеют по крайней мере дважды нагадить Киеву. Значит, правильнее было бы сказать не "разобрался", а "разберется". Да, я основательно запутался в грамматике, явно не приспособленной для путешествий во времени, после которых семантика и синтаксис разъезжаются в разные стороны.

– Как ты...?

Я искал подходящее слово, но так и не сумел его найти и вопрошающе посмотрел на Аню.

– Как ты взывала? – спросила та – Кого ты хотела увидеть?

– Я не... – но Веде не дали договорить.

– Это мы – заявил Рои – Сканировали по стохастическим координатом и отработали вторичное эхо на пике.

Его объяснение было, как и всегда, совершенно заумным, но сегодня оно, к счастью, звучало относительно понятно. Они просто-напросто баловались со своей аппаратурой и случайно наткнулись на Веду.

– Почему тебя так волнует это войско? – спросил Эйтан – Еще один народ идет с востока на запад, ну и пусть себе идет. Для нас все это уже давно свершилось, твои угрины прошли в свою Паннонию и создали там страну. Почему ты хочешь им помешать?

Эйтан, в очередной раз, меня удивил. До сих пор мне казалось, что он не имеет ни малейшего представления об истории, как многие в нашей и не только нашей стране.

– Я чувствую, что здесь что-то не так, неправильно! – голос Веды снова сорвался на крик – Угрыны пусть себе идут, но их Змеи не должны пройти. Они неправильные, они не принадлежат этому миру! Если падет Киев-град, то падет и наш мир. Ваш мир падет тоже и не будет боле того, в котором вы собираетесь жить. Поэтому и мы и вы должны защитить себя. Мы сбережем наше будущее, а вы – свое прошлое.

– Подожди, Веда – проворчал Эйтан – Нам надо все это обсудить.

– Обсуждайте быстрее – вскричала она – Их войско в две Луны пути отсюда.

Теперь мы сидим в кабинете Эйтана: он сам, Рои, мы с Анютой и программист Виктор, с которым я познакомился во время наших прошлых визитов в лабораторию. На столе в пластиковых стаканах остывает кофе, принесенный секретаршей, на который никто не обращает внимания.

– Ну, что скажете? – Эйтан смотрит на Рои, также, впрочем, как и мы все – Это имеет какой-то смысл?

– Имеет и еще какой! Я уже битый месяц доказываю то-же самое, а меня ни один придурок не слушает!

Слушать Рои не так-то просто. Если в начале разговора он еще обращает внимание на собеседника, то вскоре напрочь забывает о нем и начинает петь как глухарь на току, не обра-

щая ни малейшего внимания ни на что и ни на кого вокруг. Поэтому нормальному человеку, даже получившему инженерное образование, понять его объяснения не представляется возможным. Одному лишь Эйтану, да и то с большим трудом, удастся заставить Рои говорить более или менее человеческим языком. Тогда сквозь дебри заумных терминов начинают проглядывать мысли, всегда оригинальные и почти всегда безумные. Вот и сейчас толстяк утверждает, что реальность которая еще недавно казалась такой объективной и данной нам в ощущениях, есть вовсе не данность, а не более чем возможность такой данности. Оказывается, нам лишь кажется, что мы сидим в обшарпанном здании на окраине Явне. А вот Рои утверждает, что мы находимся на пересечении бесконечного количества темпоральных волн, сотканном мириадами событий прошлого. Эти-то волны и образовали нечто, кажущееся нам сейчас тесным кабинетом со стаканами холодного кофе на столе. На самом же деле это нечто совсем иное, интерференция возможностей или ей подобная заумь. Мы, это оказывается вовсе не мы, а порождение веков истории, их продукт. Тронь какую-нибудь тонкую нить в этих веках и мы перестанем быть самими собой.

Он еще бормочет что-то про гауссиану и доверительные вероятности, а мне становится страшно. Нежели и моя Аня, это вовсе не прекрасная, единственная во всей вселенной женщина, а лишь вероятность ее? Не отчаянное мое счастье, а всего лишь возможность этого счастья, мимолетная и эфемерная? Я не верю и осторожно, чтобы никто не заметил, прижимаю к себе эту безумную, единственную в мире вероятность. Ее ладошка теснее стискивает мою – Ане тоже страшно.

Рои продолжает свой трюндеж, изредка прерываемый Эйтаном в попытках опустить его терминологию до уровня нашего интеллекта, и мы узнаем, что не все так плохо. Наше подобие реальности, оказывается, довольно устойчиво и мелкие изменения прошлого благополучно затихают с годами, не оставляя заметных следов. Вот и слава Всевышнему, а то я уже начал опасаться за последствия своих шалостей в X-м веке. Рои тут-же ехидно напоминает мне "киевское письмо" и имя моей первой учительницы иврита, запечатленное в веках. Я мог бы добавить кое-что еще к этому перечню, например изобретение медицинских банок или рецепты напалма и самогонки. Но, как тут-же пояснил Рои, все это мелочи, не способные изменить реальность в силу какой-то таинственной "отрицательной обратной связи". То есть в далеком прошлом мне вовсе не возбранялось давить не только бабочек но и даже зверушек покрупнее, вроде Змеев. А вот событие посерьезней, типа захвата Киева мадьярами, могло бы изменить нашу реальность самым кардинальным образом и оставить того же Рои со щупальцами вместо рук.

– Но как же мадьяры? – не замедлил спросить въедливый Эйтан – Может быть они тоже часть исторического процесса?

Я не помнил, чтобы протовенгры захватывали Киев на рубеже IX и X веков или когда-либо еще. Но может быть они его и не захватят.

– Змеи! – вскрикнула с экрана Веда, до сих пор терпеливо слушавшая наш бред – Все дело в них. Они не должны быть здесь. Они чужие!

– Откуда ты знаешь?

– Я знаю! Я чувствую! Их не должно быть нашем мире!

Рои уже давно не было рядом, а за шкафами раздавались звуки терзаемой клавиатуры.

– Куда же их деть? – спросила Аня дрожащим голосом.

– Заберите их! – теперь Веда уже кричала – Возьмите их к себе и уничтожьте. Вы сильные, вы справитесь, я знаю! А иначе мы здесь погибнем и тогда погибнете и вы.

Я представил себе несколько крупнокалиберных пулеметов, скорострельных гранатометов и огнеметов, выставленных против несчастных варанов... Да, мы конечно справимся. Но как забрать эту заразу к нам? Наверное, я сказал последнюю фразу вслух, потому что мне ответил вернувшийся Рои:

– Ребята тут кое-что замерили, а я посчитал. Получается, что при определенной силе воздействия...

Вслед за этим пошли такие терминологические дебри, что я перестал его понимать. Эйтан, судя по всему, понял не больше меня и, схватив массивного толстяка за грудки, потащил за шкафы. Там они пытались говорить шепотом, периодически срываясь на крик и снова переходя на шепот. Мне были слышны лишь обрывки фраз:

– Кумулятивные воздействия необратимы...

– На кой хрен...

– Только Л-маяк...

– Бабушке своей расскажи...

– Пропускная способность канала не...

Наконец они вернулись и Эйтан огласил вердикт. Оказывается, пробить канал между нами и средневековой киевщиной вполне возможно, но, разумеется, при определенных условиях. Во первых, наша сторона канала должна быть в том-же месте, в Загоричах, что в Украине. Конечно, два года назад меня зашвырнули в прошлое прямо из этой лаборатории и я успешно попал на киевское левобережье. Но одно дело отправить туда одного влюбленного и совсем иной коленкор, когда оттуда потребуется вытащить десяток монстров. К счастью, Рои удалось увеличить точность до пары метров. Во вторых, нам потребуется энергия. Я уже давно знал, что имеется в виду и вопросительно посмотрел на Аню, которая тщательно прятала глаза. Я прекрасно помнил ту темпоральную бурю, которую она вызвала, вышвыривая меня из X-го века и не сомневался в ее энергоемкости или как там это у Рои называется. А если у меня и были бы какие-либо сомнения, то их бы сразу развеяли ее изумрудные глаза, лучившиеся этой самой Л-энергией.

– Вы же так и так туда собирались! – категорически заявил Эйтан.

С этим трудно было поспорить. А как же аппаратура, все эти громоздкие шкафы, загадочные индикаторы, генераторы непонятно чего?

– Я все сделаю отсюда – заявил Рои – Мне понадобится геолокация, и тут я надеюсь на тебя, командир. Возьми с собой маячок.

Оказывается, Эйтан едет с нами и от этого почему-то становилось спокойнее.

– И вот еще что, Арье... – Эйтан отвел глаза.

Мне уже приходилось видеть его таким два года назад, когда он отправлял меня из этой лаборатории искать свою любовь, и я сразу понял о чем пойдет речь. Аня тоже поняла.

– Нет! – вскрикнула она – Он не пойдет.

– Хорошо – согласился Эйтан – Вернемся к этому разговору в Украине.

Веда на огромном экране продолжала молча глядеть на нас своими светлыми глазами и был в них и страх и надежда.

На грани прошлого

Электричка “Киев-Нежин” высадила нас на станции “Заворичи”. Аня сама спрыгнула на высокую платформу и показала мне язык – вот, мол, не такие уж мы и средневековые, что нам какой-то поезд. За ней степенно сошел Эйтан с большой сумкой на ремне, крутя во все стороны головой, как будто рассчитывая сектора обстрела. Как это знакомо! После срочной службы мне еще долго пришлось отвыкать от подобной привычки. Через пешеходный мостик над железнодорожными путями мы шли в гордом одиночестве: местные попрыгали на рельсы, посмеиваясь над неопытными приезжими. У входа в здание станции с двумя полукруглыми псевдо-византийскими порталами, пылилась одинокая “школа” с шашечками на двери.

– Куда? – уныло спросил водитель.

– В центр села, пожалуйста, а там видно будет – сказал я.

– Садитесь – настроение водителя не улучшилось.

Мы двинулись на север по узкой асфальтовой дороге с широчайшими, заросшими травой обочинами. Слева тянулись бледно-зеленые по весеннему времени тополя, а справа вознеслись заборы, открывающие свету крытые железом, а кое-где и черепицей, крыши. Похоже, что жили здесь зажиточно или, по крайней мере, достойно. О благосостоянии села можно было бы судить и по асфальту: хоть и не самого лучшего качества, он все же не мучал нас ни выбоинами, ни трещинами. Вскоре заборы сменили тополя и по левую руку. Наше такси свернуло раз, свернуло другой и начало колесить по таким же широким улицам с узкой полосой асфальта и я начал было подозревать, что нас возят кругами, но вовремя вспомнил, что мы уже обговорили цену. Справа от дороги промелькнула дощатая церковь, выкрашенная в аккуратный голубой цвет.

– Храм Святого Георгия Победоносца – пояснил таксист.

Вроде бы этот святой тоже был змеборцем, как и я. А что если храм стоит на том самом месте, где я сражался со Змеем? Символично, однако!

– Победоносец мой! – шепнула мне в ухо Аня.

Я не удивился, ведь мы с ней уже давно синхронно думаем об одном и том-же. Улица пересекла полосу спокойной воды, не то длинный пруд, не то речушку с очень медленным течением. Неужели Трубеж, подумал я? Как-то не похоже вроде.

– Речка Гниздная – пояснил водитель, как будто прочитав мои мысли – Она впадает в Трубеж там – он махнул рукой куда-то направо.

Я вопросительно посмотрел на Аню.

– Нет – огорченно сказала она – Не узнаю. Наверное, мы не туда свернули.

– Может вам лучше рассказать что вы ищете? – спросил водитель, съехав на обочину.

Он явно заинтересовался, вся его демонстративная депрессия куда-то исчезла и стало заметно, что он совсем молод. Наверное, неразделенная любовь, подумал я, или то, что он по молодости принимает за любовь. Со мной такое было много лет назад и прошло бесследно, а что такое любовь я узнал много позже. Аня беспомощно посмотрела на меня. Действительно, объяснить предмет наших поисков было нелегко...

Тогда, тысячу лет назад, разбив свое Зеркало, Аня поначалу оказалась в хорошо знакомом мне “нигде”. Это совсем не страшно, но и ничего хорошего в этом нет. Главное, и я почувствовал это подкоркой, не задерживаться там, а для этого надо знать, куда хочешь попасть и очень хотеть туда попасть. Ни с тем, ни с другим у нее проблем не было, поэтому туман “Случайного Соединения” быстро рассеялся и очень скоро Аня обнаружила себя на берегу незнакомой реки. Река эта была странной, совершенно прямой, с аккуратными, как будто проведенными по линейке, берегами. На самом деле это был хорошо знакомый ей Трубеж, но давно уже канализированный и разобранный на мелиоративные каналы. Река текла по ровной

местности и ничто вокруг не напоминало холм, на котором стоял детинец. Любая другая на ее месте запаниковала бы, начала бы падать ниц и молиться всем богам, как и полагалось в ее время. Но это была моя Аня и ничего такого делать она не стала, а решила осмотреться и прислушаться. Из моих рассказов она знала про высокие дома и машины, которые считала чудовищами. Эти страшилища, говорил я ей, питаются "кровью земли", которую перегоняют на огромных печках, подобно тому, как мы с ней перегоняли бражку для зажигательных бомб. И я, ее муж, если не врал, конечно, умел погонять этих чудовищ и они его слушались. Поэтому ей было немного страшно и очень интересно. С правой стороны, куда убежала река, раздался перестук, перешедший в низкий гул: это, невидимая за редколесьем, пробежала электричка. Шум поезда затих и Аня решила туда не ходить: было и боязно и неразумно догонять неизвестное чудовище. С другой стороны, на отдалении от реки, тоже копошились какие-то невидимые чудовища, но, судя по всему, более мелкие. Прислушавшись, она разобрала голоса и теперь стало ясно, куда идти. Туда она и направилась. Перелесок закончился, ее босые ноги зашлепали по влажной почве и начался луг. Теперь скошенная трава больно колола подошвы ног, но она только улыбалась: здесь был покос, значит были и люди. Вот вдалеке показались дома, а луг сменился огородами. Аня была голодна и попыталась выкопать и съесть корнеплод, но незнакомая ей картошка оказалась несъедобной. Зато ближе к дому нашлась грядка с хорошо знакомой ей морковью и дерево со странно вытянутыми огромными яблоками. До сих пор ей довелось пробовать только лесные яблоки, маленькие и кислые, поэтому груши привели ее в восторг. И тут ее окликнули...

– Ее зовут Надежда, Надя – сказала Аня – Ей лет сорок-пятьдесят.

– Да у нас таких по десятку на каждую улицу – усмехнулся таксист.

– Она очень добрая – растерянно добавила Анюта и обрадовано вскрикнула – А, вспомнила. Ее маму зовут баба Катя. А муж у нее – Богдан.

– Оп-она! Бинго! – вскричал таксист – То ж Ковальчуки!

И он резко развернул машину, так что несчастная "школа" со скрипом просела на левых рессорах. "То ж Ковальчуки!" повторял он как мантру, с удивлением крутя головой и выжимая газ так, что за нами долго не оседало облако пыли – в районе давно не было дождей. Через минуту "школа" взвизгнула тормозами у ярко-зеленого забора, за которым виднелись скаты крыши, покрытые железом и выкрашенные в вишневый цвет. К забору притулился старенький "фиат".

– Это здесь! – радостно взвизгнула Анюта – Машина дяди Богдана.

Мы вошли в незапертую калитку, прошли мимо колодца с подведенным резиновым шлангом водопровода и поднялись на крыльцо. Где-то на задах визгливо залаяла собачонка.

– Тетя Надя! – крикнул сопровождающий нас таксист – К вам гости с Израилю!

Дверь распахнулась, пропуская женщину средних лет. Одета сия дама была так, что у Анюты двухгодичной давности это должно было бы вызвать неумолимое желание переkreститься и завопить: "Чур меня!". На ней, под легкой курткой с логотипом "Адидас" была натянута веселенькая майка с огромным штрих-кодом и надписью наискосок: "Зроблено в Україні". Причем и штрих-код и надпись были сильно перекошены вторичными половыми признаками. Дополняли это великолепие синие треники до щиколоток и домашние тапочки. Заспанные глаза хозяйки начали широко открываться и сразу стало заметно, что это это добрый и веселый человек.

– Ганнуса! – обрадованно воскликнула женщина – Ти повернулася? А це твій чоловік?

– Тетя Надя, милая! – закричала Аня, бросившись ей на шею – Да, это мой муж.

– Арье – представился я.

– А ти тепер добре говориш по москальські, треба б тебе і нашої мови навчити. Богдан, йди сюди! Дивись, хто до нас приїхав!

Так и продолжался наш разговор на двух языках, причем мы прекрасно понимали друг друга.

– Вон там я ее увидела, среди морковных грядок – тетя Надя махнула рукой – Стоит она там босая, в каком-то невообразимом балахоне, грязная от морковной ботвы и грушевого сока и совершенно спокойная. Ну, думаю я, наверное какая-то придурковатая. Посмотрела я ей в глаза и...

Она так и не объяснила, что увидела в аниных глазах, но я и так догадался, ведь я смотрю в них каждый день. Там много что можно увидеть. Вначале Надежда попыталась объясниться с ней по-украински, потом по-русски, но удалось ей понять только слова "Лёв", "Иерусалим" и "Земля Израиля", причем последнее Аня произносила как "Земь". Самое интересное, что сама Анюта ее понимала, хотя и с пятого на десятое, наверное привыкла к моему произношению. Надежда и ее муж Богдан накормили Аню и хотели было отправить к участковому, но тот как раз был в отпуске. Тогда Богдан, который все равно ехал в Киев к детям, взялся доставить ее до города. Там, на Подоле, он и сдал ее с рук на руки доблестному майору Шумейко.

– Я вот чего не пойму – тетя Надя осторожно посмотрела на меня – У вас там на израильщине, что и водопровода нет? Видел бы ты свою Ганнусю, когда я ей умыться предложила. Смотрит она, как вода течет из крана, и весело так смеется. А довольная то, довольная!

Я растерянно посмотрел на Эйтана, которому переводила Аня.

– Соври что-нибудь – потребовал он на иврите.

А тетя Надя продолжала гнуть свое:

– А как она в машину садилась, это ж видеть надо. У вас там что, все больше на верблюдах?

Пока я судорожно придумывал правдоподобную отмазку, вмешалась Аня:

– Ой, тетя Надя! – воскликнула она – Вы и не поверите. А ведь это был такой эксперимент по изучению социальных навыков. Меня вырастили в джунглях центральной Африки и я до семнадцати лет не знала о цивилизации.

– Пока не познакомилась со мной! – гордо добавил я.

– Ах ты господи, страсти-то какие – всплеснула руками Надежда – Разве ж так можно над ребенком изгаляться?

Интересно, подумал я, где та Африка и где Загоричи? Наверное, тете Наде пришла в голову та же мысль.

– Но как же? – начала было она.

– А вот это уже совсем другой эксперимент – строго пояснил я – Но о нем нам запрещено упоминать.

– Понимаю... – неуверенно пробормотала она.

Про свою первую поездку в машине из Загоричей в Киев Аня мне уже рассказывала. Я видел ее в гостинице "Украина" и представляю, какое это было забавное зрелище. Тетя Надя отдала ей свои старые туфли, которые оказались ей велики, и, в сочетании с длинной холщовой рубахой, это, несомненно, производило сильное впечатление. В таком виде она и садилась в "фиат" Богдана Ковальчука, закрыв от испуга глаза. Интересно, что когда через три дня за нами к подъезду израильского посольства пришло такси, она уже гордо садилась на заднее сиденье в распахнутую мной дверь так, как будто делала это каждый день с младенческих лет. Возможно этому способствовали новенькие туфли, которые я купил ей на Крещатике и шитое там же на заказ длинное широкое платье.

Через пару минут мы уже сидели за столом на заднем дворе и Эйтан вынимал из своей бездонной сумки упаковки израильских фиников и халвы, которые завершила бутылка арака. По весеннему времени на огороде еще ничего не было и Надежда принесла огромную банку маринованных помидоров. Богдан, высокий и стройный пожилой мужчина, много старше тети Нади, разлил арак по рюмкам и провозгласил неожиданный тост:

– За то, чтобы не было войны!

При этом он смотрел на бабу Катю. Эйтан согласно кивнул, выслушав перевод и мы выпили молча. По внешнему виду бабу Кати трудно было понять приходится ли она матерью Надежде или Богдану. Было ей непонятно сколько лет, но запросто могло быть и за сто.

– Что смотришь, сынок? – сказала она – Наверное гадаешь, с какого я года?

Она улыбнулась и морщинки побежали в разные стороны. Пожалуй, именно так будет улыбаться Анята, когда ей будет под сто лет. У меня будет хорошая старость, подумал я. Если доживешь, ехидно вставил внутренний голос.

– В 41-м, когда немцы пришли, мне было в аккурат десять лет – продолжала баба Катя – Вот сам и считай. Мой долгий-то век мне не просто так достался. Наверное, то Господь сподобил за те муки, что я перенесла в детстве. А ты, дочка, где родилась-то?

Она пристально смотрела на Аню и та, наверное не решившись соврать, ответила честно:

– В Киеве, бабушка, на Подоле...

Перед поездкой в Заворичи, мы с Аней прогулялись по Киеву. У Эйтана были какие-то дела в посольстве и он, к нашему великому облегчению, предоставил нас самим себе. Весеннее солнце согревало, но не пекло и великий город встретил нас робкой первой зеленью и чистыми после дождя улицами. Для нас Киев начался с парка Владимирский горки. Аня крутила головой и все безуспешно пыталась узнать знакомые места, пока мы не вышли на смотровую площадку.

– Ага! – обрадованно закричала она – Славутич-то почти не изменился!

Вряд ли в X-м веке через Днепр были перекинута мосты, а берега забраны набережными. И все же я верил Аняте: наверное неизменным осталась мощь реки и правильность ее изгиба. За нашими спинами обнаружился памятник Владимиру, заставивший нас расхохотаться. Каменный князь был совсем не похож на того правителя, с которым я имел содержательную беседу у пристани на Подоле. И еще меньше он напоминал феодала, стремившегося получить "право первой ночи" с моей будущей женой.

Потом были волшебные улицы Киева, Святая София, площадь Независимости и Крещатик. У Золотых Ворот Аня покачала головой:

– Не помню такого, наверное, позже построено. В мое время киевский детинец был невелик и почти целиком деревянный, кроме, разве что, княжеских хором. А Софийские ворота только начали строить.

Но от Софийских ворот трудами монголо-татар ничего не осталось кроме символической метки на асфальте Владимирской улицы. После этого мы спустились по Андреевскому спуску на Подол. Но и там мы ничего не узнавали. Через десять веков здесь опять ходили трамваи, а на месте перевоза через Днепр, где я расстался с Авраамом и Магудой, раскинулся огромный речной порт. Современные высотки и доходные дома позапрошлого века скрывали кривую улицу, "стегну", на которой стоял дом сотника Неждана. А немного повыше заросшие зеленью особняки встали на месте хазарской слободы и "малой хаты" Авраама...

– На Подоле? – удивленно протянул таксист.

Он оказался каким-то родственником хозяев и на этом основании присутствовал за столом. На самом деле его занимали странные люди из экзотической страны, в особенности Эйтан, с которым он мог общаться по-английски. Звали таксиста Алексей и он действительно чем-то отдаленно напоминал мне Олешко, сына Радонегга, княжьего разведчика и лучника.

– На Подоле? – повторил он – Как же вы в Африке оказались?

Напрочь завравшись, Аня беспомощно смотрела на меня. Надо было срочно менять тему разговора.

– Да брось ты эту Африку – сказал я Алексею – Бывал я в той Африке и поверь мне, ничего интересно там не нашел.

Это была не совсем ложь, потому что однажды, еще мальчишкой, я побывал в Каире.

– А вот скажите лучше, где тут в ваших местах в старые времена стоял детинец?

– Это ты, наверное, про Городище – предположил Богдан.

– Городище?

– Так у нас называют археологические раскопки – пояснил Алексей – Могу сводить. Это здесь неподалеку.

Раскопки действительно оказались недалеко. Мы даже не вышли на улицу, а направились огородами и через поле. Наверное, мы шли тем же маршрутом, каким двигалась Аня два года назад, только в противоположную сторону. И теперь на ней были резиновые сапожки, что по весенней прохладе было не лишним. Но весна стояла поздняя, снега уже сошли и мы весело шлепали по влажной земле, раздвигая сапогами еще не слишком высокую траву. Начался перелесок и вдалеке показался просвет.

– Трубеж – пояснил Алексей.

Перепрыгнув через пару дренажных канав, мы вышли на берег реки. Да, Трубеж был явно не тот, что тысячу лет назад. Зажатая искусственными берегами, река скукожилась и при-
смирела. Зато и брода на ней, расчищенной и канализованной, тоже не было. Нет, я не узнавал здесь ничего. Часть заросшего травой берега была огорожена невысокой насыпью, укрепленной мешками с цементом и прикрытой рубероидным навесом на металлических опорах. Наверное, это и было Городище, археологический раскоп. Навстречу нам поднялся довольно молодой мужчина в брезентовом плаще с капюшоном.

– Привет, Лёшка – поздоровался он – Кого привел? Опять туристы из Киева?

– Подымай выше, Сергей Леонидович – гордо заявил Алексей – Это наши друзья с Изра-
илю. Они приехали к Ковальчукам. Ну тем, что около храма живут. Знаешь?

– Кто же Ковальчуков не знает?

Хозяин раскопа оказался археологом, единственным из партии, раскапывающей Горо-
дище.

– Все остальные пишут диссертации по университетам, один я, как дурак, ковыряюсь в
глине – смеялся, рассказывал он – И все зря, ничего тут нет. Наверное, неправильное место.
Надо бы сменить дислокацию и поискать там, где посуше, потеплее и лучше кормят. Вот баба
Катя, к примеру, истинная древность и борщ у нее наваристый.

– Так-таки ничего? – прищурилась Анюта.

– Меньше, чем ничего – махнул рукой Сергей – Вот недавно раскопал я могильный
камень. Лучше бы и не раскапывал.

– А что так? – с замиранием сердца поинтересовался я.

– А-а... Сами посмотрите!

Анюта рванулась вперед, вырвав свою теплую лапку из судорожно сжатой ею моей
ладони. Эйтан последовал было за ней, посмотрел на меня и остановился, Алексей в расте-
рянности тоже смотрел на меня. Лишь археолог ничего не заметил, он тщательно мыл руки у
бака с водой, пока мы трое следили за моей женой. Та остановилась на краю раскопа и, тихо
вскрикнув, вдруг упала на колени и начала бить земные поклоны.

– Что это она? – взволновался Алексей – Может надо помочь?

Он двинулся было вперед, но я остановил его, вытянув руку.

– Не надо!

Я догадывался, что она увидела в раскопе. Наверное, за десять столетий почва успела
просесть и то, что раньше находилось на вершине холма, оказалось на плоском берегу. Прошла
минута или две. Пора! Я кивнул своим спутникам и мы осторожно подошли к раскопу, где
маленькая фигурка уже сидела на мешке с цементом, знакомым жестом подперев подбородок
сложенными ладошками. Я обнял ее за плечи и почувствовал, как ее тело дрожит мелкой дро-
жью. Тогда я сжал ее сильнее, так сильно, что она тихонько взвизгнула и это было правильно,

потому что дрожь прекратилась. Она больше не смотрела на обелиск, теперь она смотрела на меня.

– Новодел! – усмехнулся подошедший археолог – Вы только взгляните на даты.

Мне не нужно было смотреть на даты, ведь я сам выбивал эту надпись. Кузнец Глеб ковал мне неуклюжие, плохо закаленные зубила и я ломал их одно за другим о прочный гранит. Местного летоисчисления я не знал, да и никто в детинце его не знал. Рана в ноге болела, перед глазами плыли красные круги и я, не задумываясь, выбил на граните грубо вычисленные мной даты его жизни согласно современному мне летоисчислению.

– Историк хренов – сказала Аня по-русски и ласково погладила меня по щеке – У нас счет лет был от сотворения мира.

Я усмехнулся. Этот упрек был не совсем справедлив, потому что тогда, в древних Заворичах, она и сама этого не знала, а вычитала уже позже, научившись работать с Сетью.

– У нас? – удивился археолог.

– У евреев – выкрутился я.

– Я и то смотрю, ваша жена говорит с еврейским акцентом, а вот у вас русский явно родной. Наверное, смешанная семья?

Мы с Анютой кивнули, едва сдерживая смех. Археолог все не мог успокоиться

– Грамотеи, тоже мне! Такая простая надпись – “Неждан, сын Ингваря” и так много ошибок. “Ингваря” написали без твердого знака после “н” и с “я” вместо “йотированного юса” на конце. Даже твердый знак после слова “сын” не поставили. Я уже не говорю про запятую, которая появилась лет на четыреста позже этих фиктивных дат.

Он был настолько язвителен и самоуверен, что меня так и подмывало спровоцировать его на радиоуглеродный анализ, но благоразумие победило.

– Кто? – тихо спросил Эйтан на иврите.

– Отец – ответили мы с Аней одновременно.

Алексей удивленно посмотрел на нас. Неужели он знает иврит? Прощаясь с нами у дома Ковальчуков он осторожно спросил по-английски:

– Что там было в раскопе?

Эйтану следовало бы дипломатично ответить: “не знаю” или соврать что-нибудь, но вместо это он процитировал:

– There are more things in heaven and earth, Horatio, than are dreamt of in your philosophy.

– Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам! – перевел я растерявшемуся Лёшке, которому Шекспир был пока не по зубам.

Как ни странно, этот ответ его удовлетворил, но, наверное, лишь на время. Ковальчуки щедро выделили нам для ночевки дачный домик на задах их хозяйства и именно там мы собрались на совет. В домике была “грубка” – печь с лежанкой, но топить ее мы не решились в силу своей неопытности и спасались теплыми куртками. Нам с Аней досталась широкая кровать, а Эйтан собирался спать на “грубке”. Но до этого было еще далеко. Первым делом он вытащил из своей сумки какое-то устройство, напоминающее портативную армейскую рацию. При этом он с грохотом уронил на пол нечто, при более пристальном внимании оказавшееся неизвестно как попавшем в Украину израильским карабином “Тавор”. Я поднял бровь: теперь было понятно, что Эйтан делал в посольстве.

– Напрасно ухмыляешься – заметил он – В этой стране “Тавор” можно купить в любом оружейном магазине. Правда, надо иметь разрешение на охоту.

Я очень постарался ему поверить. Как правило, для охотников продавались гражданские версии армейского оружия, способные стрелять лишь одиночными, а иногда и гладкоствольные. С “Тавором” я был хорошо знаком после последних сборов, но проверять утверждение Эйтана счел излишним.

А он тем временем развернул “рацию”.

– Это ты и называешь Л-маяком? – спросил я.

– Нет, это обычный радиомаяк с геолокацией и подключением к сотовой сети. Он дает только три координаты. А для четвертой, ну ты сам знаешь какой, нужен Л-маяк. Только это не железака, а нечто совсем иное.

Он посмотрел на Аню и я понял, что они с Рои называли Л-маяком. Наверное, у толстяка были хитрые формулы, объясняющие принцип работы такого маяка, а мне все стало понятно и без формул. Эйтан тоже понял это и продолжил:

– Тогда, тот кто ушел вниз по оси времени, сумеет вернуться. Только...

– Только что?

– Для работы такого маяка требуется Л-энергия...

При этом он снова украдкой, как ему показалось, посмотрел на Аню. Мог бы и не смотреть! Я и так понял, что идти придется мне. Ведь только у меня есть Л-маяк в этом мире и я давно понял, нет, даже не понял, а почувствовал, что такое Л-энергия. Аня смотрела на меня и изумруд ее глаза стремительно темнел.

– Не пущу тебя одного – закричала она тонким, срывающимся на визг голосом – Я пойду с тобой!

Тогда я осторожно взял ее за руки и впился голодным взглядом в темный бархат ее глаз.

– Не выйдет, любимая – прошептал я этим глазам – Только ты, и только отсюда, сможешь меня вытащить. Я знаю, как трудно и больно будет, но тебе придется остаться. Прости меня, Лада.

Я всегда так ее зову, когда хочу в чем-то убедить. Из всех трех ее ипостасей, Ладислава самая покладистая. Нужно было сказать еще что-то, но она меня опередила.

– Ты помнишь, как уходил на битву?

Это было где-то здесь, в этих местах. Правда это было тысячу лет назад, но я все помнил. Помнил, как она смотрела на меня сухими глазами, потому что женские слезы делают мужчин слабыми. И в тот раз я вернулся к ней, вернулся раненый, умирающий, но все же вернулся. Вернусь и сейчас.

– Я вернусь! – сказал я.

– Я не буду плакать! – ответили мне изумрудные глаза.

Теперь все стало на свои места, все стало просто. Два года назад я уходил в никуда, не очень представляя как и куда попаду, лишь зная, что мне все равно нет месте там, где нету ее. Я тогда попал именно туда, куда следовало, может быть и случайно, а может быть и нет. Потом меня вышвырнула обратно безумная сила ее любви, вышвырнула обратно в наше время, потому что только здесь меня, умирающего, могли спасти. В этот раз я уйду не к ней, а от нее, но зато теперь сквозь тысячу лет мне будет светить маяк этих волшебных глаз, а значит и будет куда вернуться.

– Погодите прощаться – проворчал Эйтан – Посмотрим вначале, что у нас в лаборатории.

Пухлая физиономия Рои показалась на экране эйтановского смартфона.

– Привет, командир! – с наигранной бодростью сказал он.

За последний пару лет я изучил толстяка довольно хорошо и прекрасно видел, что он нервничает. Впрочем, было бы странно, если бы он не волновался, отправляя меня к Веде.

– Ну, что там, Попай? – так же нервно спросил Эйтан.

– Завтра утром по нашему времени – сообщил его далекий собеседник – Точнее не получится потому что у славянской леди нет часов. У меня все готово, но вам лучше будет встать ближе к тем археологическим раскопкам.

Этой ночью нам с Аней не спалось. На печке храпел Эйтан, а мы с ней смотрели в дощатый потолок и молчали.

– Если не вернешься, я умру – прошептала Аня мне в ухо.

– Тогда придется вернуться.

Я прошептал это в ее розовое ушко, Аняте стало щекотно и она тихонько засмеялась. Тогда я заснул и проснулся, когда уже начало светать. Аня смотрела на меня, облокотившись на согнутую в локте правую руку и я заподозрил, что она пролежала в этой позе всю ночь без сна. В ее изумрудных глазах было утро. На завтрак у нас был хлеб с простоквашей и это напомнило нам такой же завтрак тысячу лет назад. Тогда на столе тоже был хлеб и простокваша, правда хлеб не был в пластиковой упаковке, а простокваша была в крынке, а не в картонном пакете. А еще тогда за Трубежом нас ждали венгерские всадники и жрецы Хадура со Змеями на поводках. Мы переглянулись, улыбнулись друг другу и слов не потребовалось. Эйтан ничего не заметил, увлеченный своим нехитрым завтраком.

Меньше чем через час мы были на раскопе. Никто из нас не знал, как рано начинают работать археологи и мы лишь надеялись, что разочарованный в своих находках Сергей Леонидович предпочтет понежиться в постели. Еще в дачном домике я переоделся в одежду времяпроходца, не содержащую синтетики и шерсти. В этот раз мы использовали форму Цахал – Армии Обороны Израиля. Армейские спецы заверили нас, что материалом для нее служит стопроцентный хлопок, но все равно мне пришлось отказаться от пуговиц и пояса. Теперь брюки на мне поддерживала грубо сплетенная веревка, а вместо пуговиц я приладил деревянные палочки. Вооружиться я решил короткой рогатиной, которую изготовил вчера вместе с Богданом, так и не объяснив ему для чего мне это надо. Концы рогатины мы обожгли на костре.

Солнце робко поднималось за рекой и Эйтан повернулся к нему, закрываясь экраном ноутбука. В левом нижнем углу "рабочего стола" его компа притулилась скромная иконка, сделанная Виктором. Они с Рои долго и занудно обсуждали, как она должна выглядеть, но так ни к чему и не пришли. Виктор хотел видеть стилизованное изображение Уборососа, а Рои настаивал на паре-тройке формул. Кончилось все тем, что я предложил нарисовать часы. На брезгливую гримаску Рои и недовольство Виктора я ответил старым анекдотом про моэля¹, доказывающим универсальность предложенного мной образа. К тому же, утверждал я, часы как-никак имеют отношение ко времени. За иконкой крылась хитрая программа, разработанная Виктором под руководством Рои и представляющая собой грубый аналог почившего в бозе "Случайного Соединения". Откровенно говоря, ни тот ни другой не знали, как именно она работает, потому что создали ее методом реверсивного инжиниринга того же "Случайного Соединения". Тем не менее, она работала и лицо Веды на экране в лаборатории служило тому доказательством. Рои в поте лица старается разобраться в принципе ее работы и я верю, что рано или поздно ему это удастся. Вот тогда-то мы наверное и прорвемся в неизведанные измерения и, в первую очередь, в прошлое.

Эйтан нажал на иконку, проделал еще пару манипуляций и на экране появилась хорошо мне знакомая заставка: рука с тряпкой, протирающая стекло изнутри. Когда экран очистился, мы увидели Веду, спящую сидя на грубой табуретке, положив голову на стол. Наверное ее Зеркало издало какой-то звук, потому что, хотя мы все молчали, она встрепенулась и открыла глаза.

– Ты нас ждала? – спросила Аня вместо приветствия.

– Да – просто ответила та.

Теперь Эйтан возился с смартфоном и радиомаяком. По какому-то странному капризу алгоритма, программе связи, как и "Случайному Соединению", требовалось обязательно захватывать весь экран. Поэтому, Рои смотрел на нас через маленький экран телефона.

– Начинаем – сказал он.

Аня подошла ко мне, уткнулась носиком в грудь и замерла. Сквозь плотную ткань армейской рубашки я чувствовал как бьется ее сердце и как мое пропускает удары.

– Все – тускло сказала она, оторвавшись от меня – Иди! Иди же!

¹ Делаящий обрезания.

Теперь начался диалог между Рои и Эйтаном:

- Есть координаты. Готовность ноль.
- Мы тоже готовы
- Зацепился.
- Открывай.
- Пошел, родимый. Пять единиц... Семь... Двенадцать...

Повторялась история двухлетней давности, только тогда я шел к моей любимой, а сейчас уходил от нее. Тогда все было понятно. Но откуда же сегодня бралась эта энергия, эти загадочные единицы? Не так все просто, оказывается, было с темпоральной энергетикой. Рои на это намекал, но я его тогда плохо слушал. А зря! Сейчас у меня тоже не было времени на размышления, потому что само время уже исчезало, поглощаемое туманом "Случайного Соединения". Последнее, что я увидел в XXI-м веке были: сосредоточенное лицо Эйтана и безмерно удивленные лица Лёшки и археолога, появившихся на краю раскопа. Потом их всех заслонила моя Аня с закушенной губой и выражением безмерной муки на ее прекрасном лице, пожираемом серой пеленой "ничего".

Век IX-й

Пронзив удачи, бури и невзгоды
Былое с будущим слились.
Никем еще не прожитые годы
Переплелись, давно переплелись!

Прошедший век с текущим веком слился,
Святые имена произнося.
Никто еще на свет не появился,
Не умер и не родился!

Но царствует над стадом малодушных
Властителей сиятельная рать.
История покорна и послушна -
Переписать ее, переписать!

Любимец богов

Не задержавшись в "нигде" ни одной лишней секунды, я шлепнулся на траву, потянув при этом левую ногу. На этой многострадальной ноге до сих пор остался след от рваной раны в виде бледного шрама, не полностью подвластного косметическим хирургам. Хотя Аня и утверждала, что этот шрам делает меня сексуальнее, но мне не нравилось то, что на пляже народ посматривает на мою ногу, вместо того, чтобы любоваться моим мускулистым (правда, не слишком) торсом или волевым (хочется надеяться) лицом. Но сейчас любоваться на меня было некому, потому что я оказался на совершенно пустынном берегу реки. Где я? Реку я предпочел считать Трубежом, но где же Загоричи? И тут я вспомнил, что никаких Загоричей еще нет и не будет почти сто лет. Все это было верно, разумеется, в предположении, что я в нужном месте и в нужном времени. Но вот же он, холм на котором будет выстроен детинец. Я легко узнал его, также как и другой холм, поменьше, с которого будет посылать свои стрелы Алеша Попович, на котором будут похоронены Неждан и Добрыня и на месте которого будет археологический раскоп. А под ним должен быть и брод. Да вот же он, в виде нескольких пережатых поперек разлившегося русла реки. Все же за два года Рои удалось добиться хорошей точности. А где же хутор?

Хутор оказался на другой стороне Трубежа и представлял из себя избушку, подобную той, в которой другая Веда привечала меня на болоте. Только у этого сруба не было "курьих ног", вероятно ненужных на сухой почве. Избушку окружал низкий плетень, рядом с которым жевала травку привязанная веревкой коза. Интересно, какой сейчас месяц, подумал я, направляясь к броду. Древнерусские названия месяцев я так и не выучил, да и спросить было не у кого. Солнце, к счастью, припекало хорошо, потому что вода Трубежа, доходившая мне до пояса на броду, оказалась холодной. Как мне помнится, в прошлый раз здесь было воды немного выше колена. Наверное сейчас начало лета и поэтому река полноводна, решил я. Конец мая или июнь месяц.

На низком левом берегу меня уже ждала Веда. Одетая она была также, как и та, другая Веда, в длинное платье прямого кроя с вышивкой и с налобной повязкой на голове, подбравшей ее темные волосы. Веда была босиком, как и я.

– Радоватися – приветствовал ее я.

– Шалом и тебе, хазарин – отозвалась она.

Знакомая история: здесь я снова становился хазарином.

– Что это за одежда на тебе? – усмехнулась она – Ромейская?

Разговор продолжился на древнеславянском, который мы с Анютой называли "полянским". Веда говорила на нем с акцентом, странным образом вытягивая слова и я заподозрил, что он для нее не родной. Мне, впрочем, не следовало жаловаться, ведь я так и не научился правильному полянскому произношению и безбожно коверкал окончания слов.

– Ан нет! – возразила самой себе Веда – Буковки-то хазарские.

Она указывала на мнемонику "цади-хей-ламед" на моей форменной рубашке, выстроченную слева на груди над карманом. Это означало "Армия Обороня Израиля".

– А это что такое? – она указала мне на грудь.

– Карман – пояснил я.

В полянском языке такого слова не было, поэтому мне и самому было неясно, на каком языке я это сказал. Наверное, по-русски. Языки бывают живые и мертвые. А как назвать язык, который еще не появился? "Нерожденный"?

– "Мошна", говоришь? – переспросила она по-полянски – Так ты что, знаешь нижний хазарский?

Я отрицательно помотал головой. По-видимому русское слово "карман" означало "кошелек" на одном из тюркских языков.

– Ну ладно, идем в хату – она махнула рукой – Ты голоден? У меня хлебово сварено, еще горячее.

Ее дом не баловал комфортом даже по древнерусским стандартам и изнутри еще больше напоминал ту избушку на болоте. Также висели на трех стенах полки из грубо обструганных досок и также пылились на них склянки темного стекла с подозрительным содержимым. С ними соседствовали мешочки, глиняные горшочки и берестяные коробочки, в которых я бы не удивился обнаружить сушеных мышей. Середину избы занимал стол из таких же строганных досок на козлах из необработанных стволов, а по обеим его сторонам стояли лавки в виде доски на двух чурбанах. В одном углу, под окном, находился сложенный из камней и скрепленный известью очаг, а в другом углу стояло бронзовое зеркало. Я вспомнил козу у изгороди и подумал, что зимой ее должны брать в хату, что наверняка придает своеобразное очарование местным ароматам. Но сейчас окна в избушке не были ничем заставлены и в ней приятно пахло травами.

Веда достала из-под лавки горшок, замотанный тряпицей, поставила его на стол, сняла с полки две деревянные ложки и протянула одну из них мне. Когда она сдернула тряпицу, то на меня пахнуло вкусным запахом: в похлебку явно пошел дикий чеснок и пара-тройка других трав. Хотя я недавно позавтракал с Аней и Эйтаном, аромат варева заставил меня судорожно сглотнуть. Впрочем меня и мой завтрак уже разделяло одиннадцать веков, поэтому я не колеблясь запустил ложку в горшок. Похлебка была неплоха, на просе или полбе, в ней попадался горох, какие-то еще корнеплоды вроде репы и морковь. Для человека XXI-го века пожалуй не хватало картошки. Я подумал было, не прихватить ли мне с собой в следующую заброску пару проросших картофелин и устроить небольшую революцию в средневековой кулинарии и земледелии. А что, почему бы и нет? Правда, при этом Фридрих Прусский рискует не стать Великим, а Рембрандт может написать "Едоки картофеля" задолго до Ван Гога. К тому же на несколько сот лет раньше прекратятся периодические вымирания европейцев от голода, Мария-Антуанета не пошутит насчет пирожных, а Великая Французская Революция разразится лет на сто позже. Нет, с историей лучше не шутить, хватит с нее и моего "киевского письма".

Тут я еще раз посмотрел на зеркало в углу и вздрогнул. Это был бронзовый овал закрепленный в рамке из березовых полешек и он мне что-то явно напоминал. Постойте, граждане, да это же Анютино зеркало, точнее Зеркало с большой буквы, то самое, через которое меня выбросило обратно в XXI-й век и то самое, которое разбила Аня. Она не любила об этом говорить, но, как я понял из полунамеков, она разбила его в буквальном смысле, насколько можно разбить бронзовую амальгаму, разрубила моим же мечом. Только у ее Зеркала бронзовый овал был забран аккуратной рамкой из полированных плашек. Но сам бронзовый диск был несомненно тем же самым.

– Зеркало! – вскрикнул я.

– Зеркало? – Веда повернулась – Ну да, это оно.

Это явно было то же самое зеркало.

– Кто ты, Веда? – спросил я, непроизвольно вставая и роняя ложку.

– Ты что, уже наелся? – спросила она – Что-то я запаматовала, как зовут-то тебя?

– Арье. Но мама зовет меня Лёва.

Не знаю, зачем я это сказал, как-то само вырвалось. И вдруг меня осенило. В Киевской Руси только два человека знали мое русское имя. Первой и единственной для меня была Аня, но она всегда звала меня не Лёва, а Лёв, так уж у нас сложилось еще в первые дни нашего виртуально-магического знакомства. А еще меня называла Лёвой та, другая Веда. Я тогда так и не сумел выяснить у нее, откуда она знала это имя, а вот теперь я начал догадываться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.